

Сборник посвящен погибшим...

Category: Kitapcy, Söhbetdeşlik

написано kitapcy | 23 января, 2025

Сборник посвящен погибшим... СБОРНИК ПОСВЯЩЕН ПОГИБШИМ...

Известный туркменский поэт Аллаяр Чуриев около десяти лет занят поиском свидетельств жертв массовых репрессий в период культа личности И.В.Сталина в Туркмении. Его очерки о погибших в сумеречные тридцатые часто публикуются в республиканских газетах и журналах. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию состоявшуюся с ним беседу.

– Аллаяр Чуриевич, прежде всего разрешите вас поздравить с выходом в издательстве «Магарыф» сборника историко-публицистических статей о репрессированных под названием «По велению сердца». Скажите, ожидается ли перевод книги на русский язык.

– Спасибо за поздравления. Увы, речи о переводе пока нет. Но надеюсь, такой разговор возникнет.

– Насколько мне известно, вы занимаетесь этой темой довольно-таки давно, еще с тех времен, когда она не считалась ни модной, ни проходной. А сулила одни неприятности. Что вас заставило обратиться к ней?

– На то есть много причин. Гражданские, личные. Два моих деда – и по отцовской, и по материнской линии были репрессированы. Жили они в селе Койне-Кесир, что расположено на самой границе с Ираном, в верховьях реки Сумбар. Один из них погиб, другой отбыл срок на Севере и вернулся в село, звали его Чары балы. Ему инкриминировали работу на английскую разведку. Человек он был известный многим – сначала милиционером работал, потом – председателем колхоза. Вот, правда, не знал, где Англия находится. Многих тогда в моем родном селе сажали на арбу – и в город, разбираться. И редко кто возвращался. Так что эта тема – мой долг.

– Какой вы материал вы используете в работе над очерками и где его берете? Видимо, вы знакомы с материалами процессов?

– Практически материалов процессов в Ашхабаде нет. Только отдельные документы. Да и они до последнего времени были за семью печатями. Но кое-что обнаружить удастся. Кроме того, значительно помогают очевидцы событий или родственники и знакомые репрессированных. Однако их сложно разыскать. Это потом, когда в периоде появились первые мои статьи о жертвах сталинщины, мне стали некоторые из них писать сами. В общем, не один отпуск ушел на розыски...

– Люди еще долго предпочитали молчать о своих репрессированных родственниках, а как они откликались на ваши вопросы и визиты.

– Все по-разному. Кто, случалось, не хотел в первые минуты и разговаривать, – спохватились, дескать. Другие просили не будить память, говорили о больном сердце. Но находились и такие, кто доставал пожелтые листки дневников или другие свидетельства пережитого ужаса. И еще хотелось бы мне сказать, я часто встречался с этими людьми, – никогда не беритесь осуждать тех родственников репрессированных, которые сменили имя, фамилию, опасаясь преследования государства. Я знаю некоторых из них – например, сын второго секретаря ЦК КП(б)Т Чары Веллекова стал Владимиром Петровичем, Оразмурад Атабаев сын Хаджи Атабаева (я о нем расскажу), взял имя Михаил. Понимаете они с детства чувствовали на себе это клеймо – общность с врагом народа и презрение окружающих.

– Расскажите, пожалуйста, о ком вы писали?

– Хочу напомнить имя хорошо известное в Средней Азии – Кайгысыза Атабаева. Коротко: он был председателем Совета Народных Комиссаров республики, когда один за другим стали попадать в тюрьмы коммунисты руководящего звена. В самом тяжелом – 1937 году, когда кровавая война катилась всюду, Атабаев решает ехать в Москву, чтобы выяснить судьбу своих товарищей. Ему удалось встретиться с Кагановичем. Тот

посоветовал обратиться к Ежову. С Лубянки Атабаев не вышел. Через семь месяцев он был расстрелян прямо в кабинете одного из следователей. Да, вы знаете настоящую фамилию Кайгысыза? Сердаров. Атабаев – это фамилия друга Мухаммеда, с которым он учился в Ташкентской учительской семинарии. Его брат, между прочим, нарком совхозов республики, Хаджи, тоже был арестован. А следом – жена и дочь. Они обе отсидели по два года. А других троих младших детей отправили в детский детприемник, в Чимкент.

– Удалось ли потом разыскать этих детишек?

– Этих – да. Через два года мать едва разыскала. А Хаджи был расстрелян.

– Какие обвинения предъявлялись «врагам народа»?

– Формулировки обвинений были стандартными. Обвиняли в национализме, в контрреволюционной деятельности, приписывали участие в организации «Свободная Туркмения» (Туркмен азатлыгы). По типу грандиозных московских изобличительных процессов. Здесь стремились создать такие же. Механизм, как явствует сегодня, был одинаков до идиотизма, но действовал без сбоев. Как «враг народа» был арестован Халмурад Сахатмурадов, бывший первый секретарь ЦК КП(б)Т, в то время уже работавший в Москве заместителем директора Института языка и литературы народов Востока. Арестовали также его жену – А.М.Левину. Она вместе с мужем долго работала в Туркмении, вовлекала женщин в общественный труд. Отправили их в ссылку, как выяснилось к нам. Вскоре в тюрьме Левина без оказания медицинской помощи родила. Едва подросткового ребенка у нее тут же отобрали. И в возрасте одного года и одного месяца он умер в детприемнике...

– А как сложилась их судьба далее?

– Сахатмурадов был вскоре расстрелян, а Анну Макаровну отправили в Сибирь. И только спустя двадцать лет их обоих реабилитировали.

– А где в Ашхабаде находилась тюрьма НКВД?

– За тоннелем на Стекольной улице.

– Жены некоторых репрессированных остались живы, о чем они вам рассказывали?

– О. они рассказывали много ужасов про женскую половину тюрьмы. Их сажали беременных, с грудными детьми, последних потом отбирали и судьба большинства оставалось неизвестной. В камерах было грязно, тесно. Нет, этих рассказов не повторить в двух словах.

– Сегодня из «Архипелага ГУЛАГ». А.Солженицына мы узнали механизм «вовлечения» во враги народа. Существовала и общепринятая аббревиатура. «ВН» – враг народа. «РВН» – родственники врага народа и так далее. У нас в Туркмении семьи были большими, и родственников было друг у друга много. Как обходились с ними? И были ли какие-нибудь особенности этого теракта в Туркмении?

– Эти репрессии, как вы правильно заметили, были здесь более кровавыми. У любого «врага народа» – родственников – пол аула. Когда, например, арестовали Сахатмурадова, на его родине, в Кеши, началась сильная сумятица. В центре аула несколько раз собирали всех жителей и заставляли родственников «врагов» публично каяться. Селяне обличали их, искренне веря, что борются с противником. А вечером, после собрания, глядь иных уж и нет. Более 100 человек тогда арестовали. Работавшую в ту пору председателем сельсовета Огульбоссан Назарова 10 лет пробыла на Колыме. Она пошла по этапу за то, что часто общалась с Сахатмурадовым. Представьте, что многие из тех, кого угоняли в Сибирь, не могли по-русски даже попросить о помощи – не знали языка.

– А сколько всего репрессированных в республике?

– Я не знаю таких цифр.

– Одна из первых ваших статей, если не ошибаюсь, о Бяшине Перенглиеве, бывшем первым наркомом просвещения?

– Да, почти пять лет назад ее опубликовали. Правда без определенных подробностей. Вторая оттепель еще не наступила. Между прочим, первого внука в семье сына бабушка попросила назвать Бяшимом, что в общем-то переводится «пятый», в честь деда. В то время много народа пострадало: первый нарком внутренних дел республики Бяшим Культешеров, нарком социального обеспечения Гарры Кулиев.. Только у меня собрано более сорока фамилий руководство республики, уничтоженного в те годы. Им досталось так, что помнили даже внуки. Например, внук Мухаммедкули Атабаева, Овезгельды, например, говорил, что в школе никто с ним не хотел сидеть за одной партой. А было начало пятидесятых.

– Скажите, изменилась ли ваша жизнь в связи с работами о жертвах сталинизма в последнее время?

– Да, конечно. Большую часть свободного времени приходится уделять ответам родственникам погибших– они просят хоть что-то уточнить...

– Аллаяр Чуриевич, спасибо за беседу, успехов вам.

– Спасибо.

Н.Белеля.

«Дзержинец» 26.12.1989 года. Söhbətdeşlik